

Потемкина Марина Николаевна

Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории,
Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова
(Магнитогорск, Россия)

Научно-исследовательская лаборатория актуальной истории
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
(Москва, Россия)

ORCID 0000-0001-7056-1258
E-mail: mpotemkina@mail.ru

Potemkina, Marina

Doctor of Historical Sciences, Professor
Head of the World History Department,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)
Research Laboratory of Actual History,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russia)

ORCID 0000-0001-7056-1258
E-mail: mpotemkina@mail.ru

**Нарушения законности в ходе эвакуации населения
и оборудования промышленных предприятий в 1941–1942 гг.***

**Violations of the Law during the Evacuation of the Population
and Industrial Equipment in 1941–1942**

Аннотация. Исследование посвящено теме, не являвшейся ранее предметом специального изучения: влиянию эвакуационных процессов на экономическую преступность в начальный период Великой Отечественной войны. Определены причины роста преступности в пространстве эвакуации, рассмотрены виды экономических преступлений и

* Для цитирования: Потемкина М.Н. Нарушения законности в ходе эвакуации населения и оборудования промышленных предприятий в 1941–1942 гг. // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 307–339. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-2-1

For citation: Potemkina, M. “Violations of the Law during the Evacuation of the Population and Industrial Equipment in 1941–1942.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 2 (2020): 307–39, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-2-1>

© Потемкина М.Н., 2020

© Potemkina M., 2020

проанализированы сложности их выявления и пресечения. Сделан вывод об ужесточении наказаний за экономические преступления, совершенные в чрезвычайных условиях эвакуации, и слабой результативности такого способа снижения преступности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуационные процессы, законность, экономическая преступность.

Abstract: The study focuses on the topic that has not been a subject of special research. It is the impact of evacuation processes on economic crime during the initial period of the Great Patriotic War. The article determines the reasons for the increase in crime within the evacuation space, considers the types of economic crimes, and analyses the difficulties in discovering and repressing them. It is concluded that penalties for economic crimes committed under the emergency conditions of evacuation were made tougher but that method of reducing crime was not very effective.

Key words: Great Patriotic War, evacuation processes, legitimacy, economic crime

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00185 «Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны: выявление, расследование, пресечение (на материалах Южного Урала)».

The research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of scientific project No. 19-09-00185 “Economic crime during the Great Patriotic War: detection, investigation, repression (based on the materials of the South Urals).”

Введение

Одной из тенденций современного состояния общества в условиях глобализации являются масштабные миграционные потоки. Перемещение людей происходит под влиянием различных факторов, в том числе стихийных бедствий, военных конфликтов. Миграционное давление оказывает негативное влияние на социальную жизнь, усиливая угрозу роста криминогенности. Обращение к историческому опыту противодействия экономической преступности в экстремальных условиях массовых миграций представляет несомненный интерес. Данное исследование имеет своей целью выявление влияния фактора эвакуации на динамику и качественные параметры экономической преступности и эффективности мер борьбы с ней.

Исследование опирается преимущественно на документальные источники, извлеченные из центральных и региональных архивов РФ¹. В качестве ослож-

¹ Пасс А.А. Об экономической преступности в СССР в 1941–1945 гг. (по документам архивных фондов ГАРФ) // *Magistra Vitae*. – 2019. – № 2. – С. 50–58. – URL:

няющего фактора следует отметить неполную сохранность и рассредоточенность документов по различным архивам и фондам, а также то, что значительная их часть до сих пор не введена в научный оборот. Документы содержат статистические данные, описания различных видов экономических преступлений, анализ факторов их возникновения, изменение законодательной базы государственного противодействия преступности. Существенную помощь в исследовании также оказали источники личного происхождения, прежде всего, воспоминания людей, переживших эвакуацию.

Научные труды по обозначенной нами проблеме можно условно разделить на два направления: исследования эвакуационных процессов 1941–1942 гг. и работы, посвященные рассмотрению деятельности правоохранительных органов по борьбе с экономической преступностью. Первые – это исследования историков, вторые – как правило, это труды юристов. В советский период исследование обоих направлений тормозилось идеологической цензурой и засекреченностью архивных документов. Материал излагался в позитивном ключе, эвакуация населения, осуществленная в начальный период Великой Отечественной войны, трактовалась как «забота партии и правительства о спасении советских граждан»², а борьба с хищениями и растратами в военном социуме подавалась как «трудная, но эффективная» (Н.П. Грабовская, П.С. Матышевский, В.В. Куликов, В.И. Костин)³. Современный этап отечественной историографии характеризуется введением в научный оборот новых источников и более глубоким освещением спектра экономических преступлений и деятельности правоохранительных органов (А.И. Вольхин, И.Б. Орлов, В.В. Блинова, С.М. Емелин, А.Г. Пашкин)⁴. А.А. Пасс, проанализировав состояние отечественной историо-

http://magistravitaejournal.ru/images/2_2019/pass1.pdf; Потемкина М.Н. Экономическая преступность в Магнитогорске в годы Великой Отечественной войны: информационный потенциал исторических источников // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2019. – Т. 29. – № 4. – С. 656–659.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). – Москва: Воениздат, 1961. – С. 143–151, 546–549, 558, 559.

³ Грабовская Н.П. Уголовно-правовая борьба с хищениями социалистической собственности (Закон 7 августа 1932 г.): дис. ... канд. юрид. наук. – Ленинградский государственный университет, 1947; Матышевский П.С. Ответственность за хищения социалистической собственности по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. – Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, 1952; Куликов В.В. Правосудие в СССР в военные годы // Советское государство и право. – 1973. – № 5. – С. 33–36; Костин В.И. Борьба с хищениями социалистического имущества и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1982.

⁴ Вольхин А.И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – Инсти-

графии применительно к вышеуказанной теме, пришел к выводу о том, что накопленные знания сохраняют преимущественно эмпирический характер и теоретического уровня пока не достигли⁵. Эвакуационные процессы как один из основных факторов, обусловивших рост экономической преступности в годы Великой Отечественной войны, назвали в своем исследовании С.П. Шатилов, О.А. Шатилова, П.Л. Ипполитов⁶. А.М. Демидов раскрыл роль органов государственной безопасности по противодействию нарушениям законности в ходе эвакуационных процессов⁷.

Зарубежные ученые довольно пристально изучили функционирование «сталинской» юстиции⁸. Оценивая работу судебной системы СССР в целом как низкоэффективную, исследователи выделяют такие её черты, как излишняя жесткость наказаний за хищения госсобственности, избирательность правосудия и наличие способов избежать наказания за нарушение закона у представителей партийной и государственной элиты⁹. Сложности эвакуации, механизм пере-

тут истории и археологии УрО РАН, 2001; *Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. – Москва: Высшая школа экономики, 2008; *Блинова В.В.* Деятельность органов НКВД Южного Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: дис. ... канд. ист. наук. – Оренбургский государственный педагогический университет, 2008; *Емелин С.М.* Органы внутренних дел 1939–1953 гг.: эволюция статуса, правовых основ, организации и деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. – Академия экономической безопасности МВД РФ, 2009; *Пашкин А.Г.* Особенности борьбы с преступностью в Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: источниковедческий аспект // Вестник архивиста. – 2011. – № 3. – С. 30–38. – URL: <http://www.vestarchive.ru/istochnikovvedenie/1509-osobennosti-borby-s-prestupnostu-v-ulyanovskoi-oblasti-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-.html>

⁵ *Пасс А.А.* Русскоязычная историография об экономической преступности в СССР в годы Великой отечественной войны // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2019. – № 3. – С. 39.

⁶ *Шатилов С.П., Шатилова О.А., Ипполитов П.Л.* Роль правоохранительных органов в реализации функции защиты Советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. – С. 93–109.

⁷ *Демидов А.* Эвакуация производительных сил в начале Великой Отечественной войны и органы государственной безопасности // Власть. – 2009. – № 3. – С. 112–115. – URL: <https://vivliophica.com/articles/history/121309>

⁸ *Moskoff W.* The Bread of Affliction. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990; *Solomon P.H.* Soviet Criminal Justice under Stalin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996; *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. – Москва: РОССПЭН, 1998; *Belova E., Gregory P.* Political economy of crime and punishment under Stalin // Public Choice. – 2009. – № 140. – P. 463–478.

⁹ *Пасс А.А.* Современная англоязычная историография об экономической преступности в СССР в 1941–1945 гг. // Magistra Vitae. – 2019. – № 2. – С. 90–98. – URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2019/pass2.pdf

мещения и повседневная жизнь эвакуированных в советском тылу стали предметом изучения канадской исследовательницы Р. Манли¹⁰.

В целом, несмотря на обширный пласт научной литературы, тема экономической преступности в ходе эвакуационных процессов и мер борьбы с ней до сих пор не стала предметом специального рассмотрения.

Теоретическую основу нашего исследования составила неоинституциональная теория, именуемая «экономика преступлений и наказаний», родоначальником которой является нобелевский лауреат 1992 г. Гэри Беккер. Он рассматривает мотивацию преступника с точки зрения экономического подхода. Согласно его теории, преступниками становятся из-за финансовой выгоды преступления в сравнении с легальным занятием, с учетом вероятности поимки и осуждения, а также суровости наказания¹¹.

Основная часть

Великая Отечественная война, начавшаяся 22 июня 1941 г., носила тотальный характер, что поставило государство и общество в принципиально новые условия функционирования. Масштабная эвакуация промышленного оборудования, государственных учреждений, материальных и культурных ценностей, населения стала одной из новых реальностей, порожденных войной. Уже 23 июня 1941 г. был образован Совет по эвакуации, а звенья эвакуационного механизма центрального и регионального уровней формировались до конца 1941 г. Управление процессом перемещения людей и грузов в регионы советского тыла осложнялось почти полным отсутствием заблаговременных эвакуационных планов, стремительным наступлением вражеских войск, огромными расстояниями и загруженностью транспорта. Сохранить контроль над эвакуационными процессами было принципиально важно, т. к. от этого зависели экономическая и социальная стабильность советского тыла, а значит, в конечном счете, победа в Великой Отечественной войне.

Постоянно перемещавшаяся линия фронта и масштабные миграционные потоки привели к тому, что прифронтовая зона стала самой криминогенной территорией в СССР. Опасность захвата территории вражескими войсками снижала определенность будущего в восприятии окружающей действительности простыми советскими гражданами и приводила к ощущению бесконтрольности, размыванию понятия собственности. Годами отлаженные управленческие механизмы разрушались, местная власть теряла контроль над вверенной административной единицей, в условиях дефицита достоверной информации распро-

¹⁰ *Manley R.* To the Tashkent station: Evacuation and survival in the Soviet Union at war. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2009.

¹¹ *Беккер Г.С.* Преступление и наказание. Экономический подход // Истоки. Выпуск 4. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 28–90.

странялись слухи, панические настроения приводили к действиям деструктивного характера.

Присвоение государственных финансовых средств и государственного имущества представителями партийной и государственной номенклатуры стало одним из типичных видов экономических преступлений в условиях эвакуации. Так, руководство города Красный Сулин (Ростовская обл.) присвоило и поделило между собой 117 628 руб. из местного бюджета во время бегства из города. Директор МТС Неклиновского района (Ростовская обл.) забрал себе зарплату рабочих – 26 тыс. руб.¹² За период 16–18 октября 1941 г. в Москве, по неполным данным,

из 438 предприятий, организаций, учреждений сбежало 779 руководящих работников... Было похищено наличными деньгами: 1 484 000 руб., а ценностей и имущества – на 1 051 000 руб. Угнано сотни легковых и грузовых автомашин¹³.

Автомашины представляли собой особую ценность, поскольку в условиях малочисленности личного транспорта у населения и в связи с загруженностью железнодорожного и других видов транспорта грузами военного назначения и стремительностью продвижения вражеских войск по территории нашей страны они давали возможность быстрой эвакуации в советский тыл. Располагая транспортным средством, можно было взять с собой гораздо большее количество личного имущества, чем при эвакуации пешком или на железнодорожном транспорте.

Нарушением закона являлись как кража любых видов транспорта (вплоть до гужевого), так и присвоение служебного транспорта (использование его в личных целях). Интересно отметить, что в выявленных нами источниках не встречается упоминаний о заведенных уголовных делах за подобные деяния. А вот за бегство из прифронтовой полосы без официального разрешения на эвакуацию уголовные дела заводили, и касалось это преимущественно руководителей среднего звена. Частным случаем стал выезд из прифронтовой полосы под видом служебной командировки в регион глубокого тыла без возвращения. Заместитель начальника Военторга Северо-Кавказского военного округа В.И. Ровенский в период эвакуации из Ростова-на-Дону выехал в служебную командировку в г. Сталинград. На работу не вернулся и, соответственно, не

¹² Докладная записка прокуратуры Ростовской области о злоупотреблениях и хищениях в ходе эвакуации // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 121. – Д. 157. – Л. 86.

¹³ Цит. по: Справка коменданта управления г. Москвы о выполнении военными комендатурами постановления ГКО «О введении осадного положения в Москве» за октябрь 1941 г. – июль 1942 г. // Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы / составители К.И. Буков, М.М. Горинов, А.Н. Пономарев. – Москва: Мосгорархив, 1995. – С. 550.

вернул выплаченное ему выходное пособие. (Вероятно, речь идет о командировочных выплатах, но в документе употреблен именно этот термин. – М. П.) В результате расследования и розыска бывший ответственный работник был обнаружен и привлечен к судебной ответственности за дезертирство и растрату¹⁴.

Большие суммы денег, оказывавшиеся в руках человека в силу обстоятельств военного времени, становились серьезным испытанием морально-этических норм и провоцировали на совершение преступления. Показательный в этом смысле случай произошел 2 октября 1942 г. у железнодорожного полотна на 239 км к ст. Сухиничи (Калужская обл.). Сержант с тремя красноармейцами обнаружили погреб с советскими деньгами. В погребе было 9 мешков с частично обгоревшими деньгами, сумму можно было определить приблизительно в 2 млн руб. Кроме того, рядом в колодце была насыпана гора разменной монеты. По документам, найденным вместе с деньгами, выяснилось, что деньги брошены в октябре 1941 г. управляющим Брянским отделением Госбанка СССР при эвакуации из Брянска в Калугу. Деньги пролежали весь период оккупации (эта территория была освобождена от немцев в январе 1942 г.). Как выяснилось во время расследования, часть денег руководители банка похитили ещё в октябре 1941 г., за что уже давно были осуждены, а остальная часть, по официальным данным, была уничтожена. Любопытно, что при виде такого количества дензнаков, один из красноармейцев не удержался от соблазна и совершил кражу. И так бы это и осталось тайной, поскольку точной суммы найденных денег никто не знал, но на следующий день красноармеец был задержан на местном рынке при покупке часов за 4 тыс. руб.¹⁵

Известно, что в эвакуацию уехало не всё население западных регионов СССР. Часть населения осталась на прежних местах жительства, причем некоторые города не подверглись вражеской оккупации (Москва, Ленинград, Тула и др.). Эвакуированные вынуждены были оставить жилище и почти всё личное имущество, которое и становилось объектом хищений. Преимущественно кражи этого имущества совершали не столько профессиональные воры, сколько управдомы, дворники или соседи. Для предотвращения такого рода преступлений Верховный Суд СССР принял постановление от 8 января 1942 г. «О квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан, совершенных во время воздушного налета врага или при оставлении населенного пункта в связи с появлением или приближением врага, а также имущества эвакуированных как

¹⁴ Копии писем, отправленных в Прокуратуру СССР по результатам ревизий и проверок // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. Р-8300. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 29–30.

¹⁵ Докладная записка заместителя наркома финансов М.Ф. Бодрова наркому финансов А.Г. Звереву об обнаружении советских денег на участке железной дороги с сопроводительной запиской наркома финансов А.Г. Зверева В.М. Молотову. 13, 14 октября 1942 г. // РГАСПИ. – Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 774. – Л. 5–7.

в пути, так и оставленного в прежнем месте жительства»¹⁶. По признакам эти кражи приравнивались к преступлениям, совершенным во время пожара, наводнения или иного общественного бедствия, то есть действовал принцип отягчающего обстоятельства. На практике пропажи имущества из оставленных квартир и домов людей, находящихся в эвакуации, чаще всего обнаруживались через много месяцев (лет) в случае возвращения хозяев, когда найти вора и доказать факт кражи было уже практически невозможно. Что касается краж личного имущества эвакуированных в пути следования, то такие случаи происходили и в железнодорожных вагонах, и на железнодорожных станциях. Так, 11 февраля 1942 г. на станции Жихарево (Ленинградская обл.) эвакуированную из Ленинграда ограбили двое мужчин под видом оказания помощи в переноске ее тяжелых вещей¹⁷. Иногда преступление совершали не посторонние, а сопровождающие в эвакуацию лица. Из воспоминаний Михаила Фишельмана об угоне грузовика с вещами беженцев, произошедшем во время бомбежки по дороге к месту эвакуации:

При появлении самолетов стучали по кабине, грузовик съезжал на обочину под кроны деревьев, и все бежали прятаться в лес. ... Так продолжалось много раз... Выйдя из леса, мы увидели удаляющийся грузовик с нашими скромными пожитками. Милиционер стал стрелять в воздух, но это не помогло – грузовик быстро исчез, оставив нас одних на пыльной военной дороге¹⁸.

Во время многодневных передвижений в места эвакуации люди сталкивались с необходимостью решать множество бытовых проблем, главной из которых было питание. В соответствии с законодательными документами питание людей, направляющихся к месту эвакуации организованным порядком, было регламентировано. При отправке положено было выдать по продуктовым карточкам хлеб, а также другие продукты на 10 дней. В дороге горячее питание и отоваривание карточек производились на эвакуопунктах. Но на практике эти правила не всегда соблюдались, и люди были вынуждены заниматься самообеспечением. Чаще всего это было связано с нарушением закона. Судебные дела такого типа завершались как обвинительными, так и оправдательными

¹⁶ Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем Верховного Суда СССР. 1924–1944 гг. / под редакцией И.Т. Голякова. – Москва: Юридическое издательство, 1946. – С. 51.

¹⁷ Докладная записка по делам об эвакуированном имуществе Прокурору СССР // ГАРФ. – Ф. Р-8131. – Оп. 37. – Д. 592. – Л. 159. (Переписка с органами прокуратуры по борьбе с нарушителями порядка эвакуации населения и оборудования промышленных предприятий)

¹⁸ Фишельман М. О том, что помню // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. СССР, 1941–1945. – Иерусалим: Союз ученых-репатриантов Израиля, 2009. – С. 68.

приговорами. Военный трибунал г. Москвы в марте 1942 г. рассмотрел дело о хищении продуктов во время следования к месту эвакуации сотрудников наркомата мясомолочной промышленности. В октябре 1941 г. перед отправкой без нарядов и фондов им было отпущено с базы 3 т масла, 3 т колбасы, 3 000 банок консервов. В пути по приказу начальника эшелона вагон с продуктами был вскрыт, для питания людей было использовано 3 мешка муки, 4 мешка сахара, 1 мешок картофельной муки. Из-за отсутствия контроля и охраны из вагона было похищено хлеба на 1 836 руб. и колбасы на 1 176 руб. Первоначально действия начальника Главмясомолсбыта и директора базы квалифицировались по статьям 109 и 111 УК РСФСР. Но в итоге суд вынес оправдательный приговор, сочтя, что обвинение не доказано, т. к. был приказ начальника эшелона, эвакуация проходила в экстренном порядке и у людей не было ни талонов, ни своих продуктов, эшелон находился в пути 23 дня, в вагонах были больные¹⁹.

Серьезной проблемой стали пропажи грузов на железной дороге. Поскольку часть грузов пропадала в результате бомбежек или аварий в пути, часть грузилась в спешке и не имела учетных документов, часто пропажа обнаруживалась гораздо позднее, когда эшелон уже находился за сотни километров от места преступления. Не были четко определены ответственные за сохранность грузов. Поиск виновных в этих чрезвычайных обстоятельствах военного времени был затруднен, процент раскрываемости таких преступлений был низким. Так, эвакуация фабрики Кардо-лента Наркомтекстильпрома СССР из Москвы проходила в спешке, материальные ценности отгружались беспорядочно. По прибытии в г. Барнаул 1 февраля 1942 г. была проведена инвентаризация, в результате которой была обнаружена недостача в 2 205 443 руб. Директор был снят с должности и привлечен к судебной ответственности²⁰.

В марте 1942 г. Главное управление военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта Наркомата юстиции СССР изучило и обобщило материалы судебной практики военных трибуналов транспорта по делам о хищениях социалистической собственности на транспорте. В результате был выявлен резкий рост преступлений экономического характера на железнодорожном транспорте. Если за июль–сентябрь 1941 г. Военными трибуналами и Линейными судами железных дорог было осуждено по этой категории дел 715 человек, то за октябрь–декабрь 1941 г. – 1 674 человека, а за январь–февраль 1942 г. – 2 589 человек²¹.

¹⁹ Сообщения прокуратуры СССР о результатах рассмотрения судебных дел, возбужденных приказами НКГМ СССР // ГАРФ. – Ф.Р-8300. – Оп. 4. – Д. 3(б). – Л. 6–7.

²⁰ Копии писем, отправленных в Прокуратуру СССР по результатам ревизий и проверок // ГАРФ. – Ф. Р-8300. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 17–18.

²¹ Документы Главного Управления военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта по изучению практики военных трибуналов транспорта по делам о хищениях со-

Рост хищений на транспорте объясняется ростом транспортного грузопотока и передвижением большого количества эвакуированного населения, которое в большинстве случаев не было снабжено в пути следования необходимыми видами довольствия. Дополнительными осложняющими факторами были: слабая охрана грузов на перевалочных станциях; длительные стоянки поездов; использование неопломбированных вагонов и открытых платформ; неправильная адресация перевозок из-за халатности кондукторов и отсутствия сопроводительных документов; медлительность ведомственного механизма фиксации недостатков; легкость проникновения посторонних на станции; отсутствие информации у войск НКВД о скором подходе товарных эшелонов²².

Анализ материалов судебных дел показал, что значительная доля хищений совершалась работниками транспорта. Так, за 8 месяцев 1942 г. за хищения было осуждено 1 969 работников транспорта (39 % к общему числу осужденных). За это же время за хищения осуждено 603 (12,3 %) военнослужащих, следующих по железной дороге в эшелонах²³. В большинстве случаев хищения производились организованно, группами, со срывом пломб. Иногда они носили явно грабительский характер (взламывались двери, крыши вагонов). Показателен пример рассмотрения судом серии хищений, совершенных преступной группой из 8 человек, в состав которой входили эвакуированные рабочие во главе с заместителем начальника эшелона Р. Указанная группа лиц во время стоянки поездов на станциях систематически вскрывала вагоны и похищала продукты и вещи. Установлено, что на станции Пенза ими было похищено из вагона 11 мешков подсолнечных семечек, 5 мешков пшеницы и 8 ведер спирта из цистерн, на станции Нязе-Петровск Южно-Уральской железной дороги было вскрыто 6 вагонов, из которых похищено: 5 мешков пшеничной муки, 21 байковый платок, 3 стеганых фуфайки, ватные брюки, из оборудования воинских вагонов 12 порожних ведер и другие вещи. Все 8 человек Военной Прокуратурой были преданы суду по закону от 7 августа 1932 г. 9 января 1942 г. военный трибунал рассмотрел дело с участием сторон, где участвовавший на процессе помощник военного прокурора просил суд в отношении 5 человек применить высшую меру наказания – расстрел. Военный трибунал приговорил

циалистической собственности на транспорте за 1942 г. // ГАРФ. – Ф. Р-9492. – Оп. 13. – Д. 47. – Л. 38–39.

²² Пасс А.А. Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны (по страницам журнала «Социалистическая законность» 1941–1945 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 29–34.

²³ Документы Главного Управления военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта по изучению практики военных трибуналов транспорта по делам о хищениях социалистической собственности на транспорте за 1942 г. // ГАРФ. – Ф. Р-9492. – Оп. 13. – Д. 47. – Л. 38–39.

6 участников банды к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет, а двоим участникам преступной группы переквалифицировал обвинение с закона на ст. 162 п. «г» УК и вынес им наказание по 2 года лишения свободы каждому. Следует обратить внимание на докладную записку председателя военного трибунала войск НКВД Челябинской области на имя Народного комиссара юстиции СССР Н.М. Рычкова от 17 марта 1942 г. № 00152 во исполнение телеграфного распоряжения наркома о проверке дел о хищениях на транспорте за период с 1 января по 12 марта 1942 г., прошедших через военный трибунал Южно-Уральской железной дороги. Комментируя вышеназванное судебное дело, автор документа счел приговор слишком мягким²⁴.

Аналогичные настроения мы встречаем на страницах специализированного юридического журнала «Социалистическая законность». Профессор Всесоюзного заочного юридического института М. Исаев в седьмом номере журнала за 1942 г. говорит о том, что в условиях военного времени применение высшей меры наказания для организаторов и попустителей воровства у государства вполне оправданно. Признаками, позволяющими применять к расхитителям длительные сроки заключения и конфискацию имущества, по мнению профессора, должны стать растрата на сумму свыше 10 тыс. руб., неоднократность совершаемых краж, и ситуации, когда объектом преступных посягательств являются перевозки грузов на транспорте²⁵.

В качестве основной стратегии борьбы с ростом хищений на железнодорожном транспорте руководство страны выдвинуло ужесточение карательной политики, потребовав от местных судебных органов квалификации такого рода преступлений по закону от 7 августа 1932 г. о хищении социалистической собственности, а не по статье 162 УК РСФСР (кража государственного имущества). Такая директива была дана военным трибуналам транспорта Наркоматом юстиции СССР 17 января 1942 г. С применением этих мер тяжесть наказания возросла с 2–5 лет лишения свободы вплоть до высшей меры наказания. Дополнительно применялись конфискация имущества и поражение в правах.

Архивные документы содержат примеры применения к виновным в экономических преступлениях статьи 58–14 УК РСФСР. Примером может служить судебное дело об эвакуации Дома малютки г. Артемовска (Луганская обл.). При подготовке к эвакуации директор учреждения П. уволила всех сотрудников и приняла вместо них на работу своих родственников, не имевших необходимой профессиональной квалификации, тем самым обеспечив им право плановой эвакуации. Часть выделенных для эвакуации вагонов была занята личным

²⁴ Народному комиссару юстиции СССР т. Рычкову. Докладная записка 17 марта 1942 г. № 00152 // ГАРФ. – Ф. Р-9492. – Оп. 13. – Д. 44. – Л. 88–94.

²⁵ Цит. по: *Пасс А.А.* Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны (по страницам журнала «Социалистическая законность» 1941–1945 гг.). – С. 29–34.

имуществом руководства Дома малютки. Следствием было установлено, что в ходе эвакуации было расхищено материальных ценностей на сумму 34 178 руб. Из 136 (цифра предположительная, т. к. точного учета не велось) детей в Алма-Ату довели 102 ребенка, вскоре 68 из них умерло в больнице. Деяния пяти фигурантов дела были квалифицированы по статье 58–14 УК РСФСР (контрреволюционный саботаж) и закону от 7 августа 1932 г., к высшей мере наказания приговорены гражданки П. и А., остальные трое получили от 5 до 10 лет лишения свободы с конфискацией и последующим поражением в правах²⁶.

Тенденцию усиления репрессивного характера правоприменительной практики демонстрируют статистические данные: за 2-е полугодие 1941 г. из общего числа осужденных (2 389 чел.) было осуждено по закону от 7 августа 1932 г. – 961 чел., а по ст. 162 п.п. «г» и «д» УК – 1 428 чел., и за 2 месяца 1942 г. из общего числа всех осужденных (2 589 чел.), осуждено по закону от 7 августа 1932 г. – 1 322 чел., по ст. 162 УК – 1 267 чел. Возросло число осужденных к высшей мере наказания: если за второе полугодие 1941 г. к высшей мере наказания приговорили 228 человек и к лишению свободы на 10 лет – 872 чел., то за два месяца 1942 г. к высшей мере наказания было приговорено 188 чел. и к лишению свободы – 1 164 человек²⁷.

Но данная мера не дала серьезного снижения преступности, поскольку в чрезвычайных условиях военного времени возрос дефицит ресурсов (в том числе и продовольственных), а значит, обострилась борьба за обладание ими. Снижение уровня жизни основной массы населения, ставящее людей на грань выживания, приводило к расширению границ девиантности. Граждан, которые вынуждены были выбирать между угрозой голодной смерти и нарушением закона, не останавливала угроза сверхжестокости наказания в случае разоблачения. Следует учесть, что возможность подкупа органов правосудия и вероятность избежать наказания благодаря знакомствам и покровительству высокопоставленных чиновников также благоприятствовали преступному поведению отдельных лиц.

Данные по РСФСР на конец января 1943 г. показывают, что проблема преступности на железнодорожном транспорте не решалась, а усугублялась. Если в 1941 г. поступило всего 487 дел о нарушении законности при железнодорожных перевозках, то в 1942 г. – 2 643 дел (в 6 раз больше по сравнению с довоенным периодом). За период с октября 1942 по январь 1943 г. (4 мес.) поступило 1 163 подобных дела. Суды не справлялись с таким объемом работы, вследст-

²⁶ Дело по эвакуации Дома малютки из Артемовска в Алма-Ату // ГАРФ. – Ф. Р-8131. – Оп. 37. – Д. 592. – Л. 5–14.

²⁷ Обобщение судебной практики военных трибуналов железнодорожного транспорта по делам хищений социалистической собственности за 1942 г. // ГАРФ. – Ф. Р-9492. – Оп. 13. – Д. 47. – Л. 39.

вие чего сроки рассмотрения дел нарушались (только 20 % рассмотрено в срок до 10 дней). Осложняющим фактором было то, что стороны процесса находились в разных городах, повестки шли туда и обратно 2–3 недели и даже месяцы. Многие дела приходилось приостанавливать (558 на январь 1943 г.) в соответствии с п. 20 Постановления Верховного суда СССР от 29 января 1942 г., поскольку по информации от железной дороги или пароходства груз не прибывал к месту назначения, и получить какие-либо сведения не представлялось возможным. Большинство приостановленных дел касалось отправки продовольствия, топлива, горючего за период сентябрь-октябрь 1941 г. Преобладающая причина приостановки судопроизводства – невозможность производства розыска в связи с оккупацией территории, невозможность нахождения документации по претензиям, отсутствие связи и, как следствие, невозможность представления документации по делу. Важно сказать, что последовавшее освобождение дорог и местностей от немецких захватчиков не изменило положения, т. к. восстановить документацию было невозможно²⁸.

Объектом хищений становились также и товары с эвакуобаз. Эвакуобазы были образованы в начальный период войны в тыловых городах страны для хранения эвакуированных грузов бездокументного характера. Основными объектами хищений становились продукты питания, теплая одежда, обувь, бытовые предметы повседневного спроса. Способами хищений были как кражи, так и незаконное присвоение материальных ценностей представителями местного руководства с использованием своего служебного положения. Так, в Сталинграде, по результатам произведенной в июне 1942 г. проверки работы эвакуобазы, выяснилось что по личным распоряжениям областного руководства было отпущено для столовой облисполкома 635 пачек чая, 1 497 кг сахара, 702 кг макаронных изделий, 120 кусков хозяйственного мыла, пианино, мотоцикл, патефон. В данном конкретном случае неизвестно, были ли виновные привлечены к уголовной ответственности²⁹. Следует отметить существенные нарушения принципа равенства всех перед законом в советской системе правосудия. Некоторые категории населения избегали наказания в силу своего положения на иерархической лестнице. Попавшие под следствие люди, как правило, начинали искать всевозможные незаконные способы избежать наказания (поиск высокого покровителя, дача взятки). Это зачастую удавалось представителям партийной и

²⁸ Стенограмма совещания заместителей председателей областных судов – председателей гражданских коллегий (областей военной зоны) в народном комиссариате юстиции РСФСР 26, 27 февраля – 1 марта 1943 г. г. Москва // ГАРФ. – Ф. А353. – Оп. 13. – Д. 58. – Л. 6 об.

²⁹ Письмо зам. председателя Сталинградского облисполкома о результатах проверки работы эвакуобазы от 30 июня 1942 г. // ГАРФ. – Ф. Р-8300. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 119–120. (Копии писем по проверкам и ревизиям НКГК СССР, отправленные в различные учреждения. Т. 1.)

государственной номенклатуры³⁰. Косвенные подтверждения мы находим в архивных документах. Так, в январе 1942 г. из Донбасса в Караганду был эвакуирован трест «Красноармейскуголь». В ходе эвакуации была обнаружена недостача нескольких мешков муки и 70 тыс. рублей государственных средств. Во время обыска у управляющего трестом гражданина К. было обнаружено 15 тыс. рублей наличных денег, наган, 2 пистолета, охотничье ружье и др. На новом месте жительства гражданин К. занимал должность управляющего трестом «Карагандауголь». В результате расследования Карагандинская прокуратура вынесла решение: обвинение снять, ограничиться партийным взысканием, изъятое оружие сдать в милицию. Очевидно, попавший под следствие гражданин смог найти нелегальные способы ухода от уголовной ответственности. Вышестоящие инстанции вернули дело на доследование, окончательный его итог неизвестен³¹.

Спектр преступлений экономического характера, связанных с эвакуационными процессами, не ограничивался только хищениями. Поспешность, с которой осуществлялась эвакуация значительных объемов материальных и финансовых ресурсов, затрудняла учет. Это создавало условия для финансового мошенничества нечистым на руку лицам.

Уже в начале войны был нормативно регламентирован порядок финансовых выплат физическим лицам во время эвакуации. Гражданам, эвакуировавшимся вместе с промышленными предприятиями или государственными учреждениями, выплачивалось пособие в размере одного месячного оклада и дополнительно пособия на жену в размере четвертой части оклада и на каждого неработающего члена семьи в размере одной восьмой части оклада при условии, что семья эвакуировалась вместе с работником. За время переезда сохранялись тарифная ставка или оклад. При повторной эвакуации выплачивался месячный оклад. За время переезда сохранялась заработная плата, суточные не выплачивались, как и повторные пособия на членов семьи³².

На практике ревизионными проверками устанавливались факты выплаты эвакуационных пособий работникам предприятий, которые никуда не эвакуировались; двойное получение пособий работником и по доверенности членами его семьи; неверные суммы выплат и другие нарушения. Более полутора лет продолжа-

³⁰ *Belova E., Lazarev V. Selective Justice: Party Control under Stalin // PERSA Working Paper. – 2009. – № 58. – URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/persa/058a.pdf>.*

³¹ Переписка с органами прокуратуры о борьбе с нарушителями порядка эвакуации населения и оборудования промышленных предприятий // ГАРФ. – Ф. Р-8131. – Оп. 37. – Д. 592. – Л. 31–33, 37.

³² Прекращённое следственное дело по обвинению работников Управления Северо-Донецкой железной дороги в злоупотреблениях, совершенных в период эвакуации. Т. III // ГАРФ. – Ф. Р-8131. – Оп. 19. – Д. 142. – Л. 149–151.

лось следствие в отношении работников Северо-Донецкой железной дороги о злоупотреблениях, совершенных во время эвакуации. Материалы следственного дела, инициированного военной прокуратурой Турксиба, составили 4 тома. Управление пережило частичную эвакуацию в октябре–декабре 1941 г., зимой 1941–1942 гг. было вынуждено функционировать в прифронтовой зоне, весной 1942 г. произошла частичная реэвакуация, в июне–июле 1942 г. управление пережило повторную, теперь уже полную, эвакуацию, причем основная часть работников была передислоцирована в Алма-Ату, остальные работники и их семьи оказались в Новосибирске. В этих чрезвычайных обстоятельствах учет расходов не велся, часть материальных ценностей и наличной кассы была утеряна, руководство Управления самовольно производило выплаты и бесплатную раздачу материальных ценностей (спецодежды, постельных принадлежностей) своим сотрудникам. Установлено, что остаток материальных ценностей на момент начала эвакуации составлял 6 744 тыс. руб., из них было эвакуировано 5 397 тыс. руб., судьбу остальной суммы в размере свыше 1 млн руб. пытались определить следствие. В итоге, по большому числу инкриминированных нарушений следствие было прекращено за недоказанностью обвинения. Лишь некоторые эпизоды, связанные с подписанием фиктивных ведомостей, растратой наличных денег из кассы, незаконной реализацией находящихся на железнодорожной станции вещей, принадлежавших эвакуированным гражданам, и др., были переданы в суд³³. Анализ материалов следственного дела по обвинению работников Управления Северо-Донецкой железной дороги в злоупотреблениях, совершенных в период эвакуации, демонстрирует весь спектр форм девиантного поведения людей по отношению к материальным ценностям в условиях осуществления эвакуационных мероприятий, а также сложность работы следственных органов, военной прокуратуры и судов по выявлению экономических преступлений.

Война усложнила работу правоохранительных органов и привнесла в их деятельность некоторые особенности. Мобилизация части сотрудников на фронт привела к снижению квалификации работников, так как пришедшее пополнение зачастую не имело профильного образования и не обладало достаточным опытом работы. Чрезмерный объем работы приводил к нарушению сроков следствия и рассмотрения дел в судах, а иногда и к формальному рассмотрению дел.

³³ Прекращённое следственное дело по обвинению работников Управления Северо-Донецкой железной дороги в злоупотреблениях, совершенных в период эвакуации. Т. III // ГАРФ. – Ф. Р-8131. – Оп. 19. – Д. 142. – Л. 18–19, 23, 137, 162–167, 184, 254, 260, 325–331.

Заключение

В чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны наблюдался рост экономической преступности, особенно в сфере, связанной с эвакуационными процессами. В качестве причин следует назвать: общее снижение уровня жизни населения, связанное с обострением дефицита ресурсов; ослабление управленческого контроля местных органов власти в прифронтовых районах; ухудшение учета, контроля, охраны материальных ценностей во время их эвакуации; ослабление количественного и качественного состава правоохранительных органов. Если до войны основным объектом хищений были деньги, то в войну – промтовары, продовольствие, предметы первой необходимости. Способами выявления преступлений экономического характера были контрольно-ревизионные проверки, контроль над прохождением финансовых операций, письма-доносы граждан и др. Советская судебная-правовая система в целом носила репрессивно-карательный характер. Экономические преступления, совершенные в ходе эвакуации, квалифицировались, как правило, по статье 162 УК РСФСР, Закону от 7 августа 1932 г., и даже по статье 58–14 (контрреволюционный саботаж) и наказывались вплоть до высшей меры наказания. Некоторые категории населения избегали наказания в силу своего положения на иерархической лестнице. На протяжении всего военного времени наблюдалась тенденция ужесточения наказаний за экономические преступления, совершенные в чрезвычайных условиях эвакуации. Анализ исторических источников позволяет сделать вывод о слабой результативности такого способа снижения преступности.

Introduction

Large-scale migration flows mark one of the trends in the current condition of society in the context of globalization. Displacement of people is influenced by various factors including natural disasters and military conflicts. Migration pressure exerts a negative impact on social life by increasing the threat of rise in criminality. The appeal to the historical experience of countering economic crime under the extreme conditions of mass migrations is of undoubted interest. This study aims to identify the impact of the evacuation factor on the dynamics and qualitative parameters of economic crime and the effectiveness of measures to combat it.

The study relies primarily on documentary sources obtained from the central and regional archives of the Russian Federation.¹ As a complicating factor, the incomplete preservation and dispersion of documents in various archives and collections, as well as the fact that a significant part of them have not yet been introduced into scientific circulation should be mentioned. The documents contain statistical data, descriptions of various types of economic crimes, an analysis of the factors of their occurrence, a change in the legal framework of the state counteraction to crime. Significant assistance in the study was also provided by the sources of personal origin, primarily the memoirs of the people who survived the evacuation.

Scientific works on the problem under consideration can be divided into two groups: research into evacuation processes of 1941–42 and publications addressing law enforcement efforts to combat economic crime. The former is the research conducted by historians and the latter mostly include the works by lawyers. During the Soviet period studies in both fields were hindered by ideological censorship and the secrecy of archival documents. The material was presented in a positive manner, the evacuation of population in the initial period of the Great Patriotic War was interpreted as “the concern of the party and the government for saving Soviet citizens,”² and the fight against embezzlement and misappropriation in the wartime society was presented as “difficult but effective.”³ The contemporary stage of Russian historiography is characterized by the introduction of new sources into the scientific circulation and a deeper coverage of the spectrum of economic crimes and the activities of law enforcement agencies (A. Vol'khin, I. Orlov, V. Blinova, S. Emelin, A. Pashkin).⁴ Hav-

¹ A.A. Pass, “Documents of the State Archive of the Russian Federation on Economic Crime in the USSR in 1941–1945” [in Russian], *Magistra Vitae*, no. 2 (2019): 50–58, http://magistravitaejournal.ru/images/2_2019/pass1.pdf; M.N. Potemkina, “Economic Crime in Magnitogorsk during the Great Patriotic War: Information Capacity of Historical Sources” [in Russian], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, vol. 29, no. 4 (2019): 656–59.

² *History of the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945* [in Russian], in 6 vols, vol. 2, *The Repulsion of the Treacherous Attack of Nazi Germany on the USSR by the Soviet People. Paving the Way to the Radical Change in the War (June 1941 – November 1942)* (Moscow: Voenizdat, 1961), 143–51, 546–49, 558, 559.

³ N.P. Grabovskaya, *Criminal Legal Struggle against Misappropriation of Socialist Property (Law of August 7, 1932)* [in Russian] (PhD diss. Leningrad State University, 1947); P.S. Matyshevskii, *Responsibility for Misappropriation of Socialist Property under Soviet Criminal Law* [in Russian] (PhD. diss. T. Shevchenko Kiev State University, 1952); V.V. Kulikov, “Justice in the USSR during the War Years” [in Russian], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 5 (1973): 33–36; V.I. Kostin, *Struggle against Misappropriation of Socialist Property and Speculation during the Great Patriotic War* [in Russian] (Gorky: Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1982).

⁴ A.I. Vol'khin, *The Activities of the State Security Agencies of the Urals and West Siberia during the Great Patriotic War of 1941–1945* [in Russian] (PhD diss. Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2001); I.B. Orlov, *Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Formation* [in Russian] (Moscow: GU VShE, 2008);

ing analyzed the state of domestic historiography on the above topic, A. Pass came to the conclusion that the accumulated knowledge retains a predominantly empirical character and has not reached theoretical level yet.⁵ S. Shatilov, O. Shatilova, P. Ippolitov⁶ pointed out evacuation processes as one of the main factors which caused the increase in economic crime during the Great Patriotic War. A. Demidov revealed the role of state security agencies in countering violations of the law during evacuation processes.⁷

Foreign scholars have closely studied the functioning of Stalinist justice.⁸ Assessing the effectiveness of the work of the USSR judicial system as low in general, the researchers point out such features of the judicial system as excessive severity of punishments for misappropriation of state property, selectivity of justice, and ways to avoid punishment for violating the law by the representatives of the party and state elite.⁹ The difficulties of evacuation, the mechanism of displacement and the everyday life of evacuees in the Soviet rear became the subject of study in the work by a Canadian researcher R. Manley.¹⁰

V.V. Blinova, *The Activities of the NKVD Organs of the Southern Urals during the Great Patriotic War of 1941–1945* [in Russian] (PhD diss. Orenburg State Pedagogical University, 2008); S.M. Emelin, *The Bodies of Internal Affairs in 1939–1953: Evolution of Status, Legal Foundations, Organizations and Activities* [in Russian] (PhD diss. Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2009); A.G. Pashkin, “Features of Fight against Crime in Ulyanovsk Region during the Great Patriotic War (1941–1945). Source Study Aspect” [in Russian], *Vestnik arkhivista*, no. 3 (2011): 30–38, <http://www.vestarchive.ru/istochnikovvedenie/1509-osobennosti-borby-s-prestypnostu-v-ulyanovskoi-oblasti-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-.html>.

⁵ A.A. Pass, “Russian-speaking Historiography on Economic Crime in the USSR during the Great Patriotic War” [in Russian], *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*, no. 3 (2019): 39.

⁶ S.P. Shatilov, O.A. Shatilova, and P.L. Ippolitov, *The Role of Law Enforcement Agencies in the Implementation of the Soviet State Defense Function during the Great Patriotic War (1941–1945)* [in Russian] (Barnaul: Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2016), 93–109.

⁷ A. Demidov, “Evacuation of Productive Forces at the Beginning of the Great Patriotic War and the State Security Agencies” [in Russian], *Vlast'*, no. 3 (2009): 112–15, <https://vivliophica.com/articles/history/121309>.

⁸ W. Moskoff, *The Bread of Affliction* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990); P.H. Solomon, *Soviet Criminal Justice under Stalin* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996); P. Solomon, *Soviet Criminal Justice under Stalin* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 1998); E. Belova and P. Gregory, “Political Economy of Crime and Punishment under Stalin,” *Public Choice*, no. 140 (2009): 463–78.

⁹ A.A. Pass, “Modern English-speaking Historiography about Economic Crime in the USSR in 1941–1945” [in Russian], *Magistra Vitae*, no. 2 (2019): 90–98, http://magistravitaejournal.ru/images/2_2019/pass2.pdf

¹⁰ R. Manley, *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War* (Ithaca; London: Cornell University Press, 2009).

In general, despite the vast layer of scholarly literature, the topic of economic crime during the evacuation processes and measures to combat it has not been given special consideration in any of the works.

Theoretical framework of the present study is based on the neo-institutional theory referred to as the economy of crime and punishment, which was developed by Gary Becker, the 1992 Nobel Prize winner in economics. He considers the motivation of the criminal in terms of the economic approach. According to his theory, people become criminals due to the financial profitability of a crime in comparison with legal occupation, taking into account the severity of punishment as well as the probability of capture and conviction.¹¹

Main body

The Great Patriotic War, which began on June 22, 1941, was all-out in nature, which put the state and society in fundamentally new conditions. Large-scale evacuation of industrial equipment, government agencies, material and cultural values, and population became one of the new realities generated by the war. On June 23, 1941 the Evacuation Council was established and the links of the evacuation mechanism at the central and regional levels were being formed until the end of 1941. The management of the process of moving people and goods to the regions of the Soviet rear was even more complicated because of the almost complete lack of evacuation plans, which were to have been made beforehand, rapid advance of the enemy troops, immense distances and transport load. It was crucial to retain control over the evacuation processes because the economic and social stability of the Soviet rear and, ultimately, the victory in the Great Patriotic War were dependent on it.

The constantly moving front line and large-scale migration flows resulted in the fact that the frontline zone became the most crime-prone territory in the USSR. The danger of the territory being seized by enemy troops reduced the certainty of the future in the perception of the ordinary Soviet citizens and provoked the feeling of lack of control, blurring the concept of property. Fine-tuned over the years management mechanisms were being destroyed, local authorities were losing control over the administrative units they were responsible for, reliable information was scarce, rumors were spreading around, and panic led to destructive actions.

Under the conditions of evacuation, misappropriation of state-owned financial resources and property by high-ranking party and state functionaries became one of the prevailing types of economic crime. For instance, the authorities of the city of Krasny Sulin (Rostov Oblast) misappropriated and divided among themselves 117 628 roubles from the local budget when fleeing the city. The Director of tractor depot in Neklinovsky Raion (Rostov Oblast) embezzled 26 thousand roubles of the workers'

¹¹ G. Becker, "Crime and Punishment: an Economic Approach" [in Russian], in *Istoki. Issue 4* (Moscow: GU VShE, 2000), 28–90.

salary.¹² According to incomplete data, in the period between October 16 and October 18, 1941 the situation in Moscow was as follows:

779 executives of 438 enterprises, organizations and institutions escaped. . . . 1 484 000 roubles in cash as well as 1 051 000 roubles in valuables and property was stolen. Hundreds of cars and trucks were stolen.¹³

Motor vehicles were of special value because they made it possible to quickly evacuate to the Soviet rear under the conditions when the number of personal vehicles among the population was small, railway (and other) transport was overloaded with military cargo, and the enemy troops rapidly advanced into the territory of the country. Moreover, having a vehicle, a person could take with them much more personal property than when evacuating on foot or by rail.

Theft of any type of vehicle (including animal-drawn vehicles) and misappropriation of official vehicles (using them for personal purposes) were considered violations of the law. It is interesting to note that the sources we identified do not mention any criminal cases made out of such acts. But criminal cases on charges of fleeing from the front-line zone without official permission to evacuate were opened and many of them concerned middle-level executives. Particular instances were those of the departure from the front-line zone under the pretense of a business trip deep to the rear without coming back. During the evacuation from Rostov-on-Don, V. Rovensky, the deputy chief of the military trade department of the North Caucasus Military District, went on a business trip to Stalingrad. He did not return to work and, accordingly, did not return the severance pay he had received. (Probably, travel allowance is meant here but the document uses this term – *Author.*) As a result of the investigation and search, he was found and brought to justice for desertion and embezzlement.¹⁴

Large amounts of money that ended up in the hands of a person due to the circumstances of wartime were a bitter trial to moral and ethical standards and provoked

¹² “Dokladnaya zapiska prokuratury Rostovskoi oblasti o zloupotrebleniyakh i khishcheniyakh v khode evakuatsii” [Memorandum of the Rostov Oblast Procurator’s Office on abuse and misappropriation during evacuation]. F. 17, op. 121, d. 157, l. 86. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial’no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI), Moscow, Russia.

¹³ Cited in “Information of the Commandant of Moscow administration on enforcing the resolution of the State Defense Committee ‘On proclaiming a state of siege in Moscow’ by commandant’s offices for October 1941 – July 1942” [in Russian], in K.I. Bukov, M.M. Gorinov, and A.N. Ponomarev, comps., *Military Moscow. 1941–1945. Memoirs and Archival Documents* (Moscow: Mosgorarkhiv, 1995), 550.

¹⁴ “Kopii pisem, otravlennykh v Prokuraturu SSSR po rezul’tatam revizii i proverok” [Copies of the letters sent to the USSR Procurator’s Office on the results of audits and inspections]. F. P-8300, op. 1, d. 22, ll. 29–30. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

people to commit crimes. An exemplary incident occurred on October 2, 1942 at the railway track at 239 km to the station of Sukhinichy (Kaluga Oblast). A sergeant with three Red Army soldiers found a cellar with Soviet money. In the cellar there were 9 bags with partially burned money. The amount of money could be roughly estimated as 2 million roubles. In addition, there was a heap of small coins in a well nearby. According to the documents found with the money, the money was left by the manager of the Bryansk branch of the State Bank of the USSR in October 1941 during the evacuation from Bryansk to Kaluga. The money had been there for the entire period of occupation (that territory was liberated from the Germans in January 1942). As it was found out during the investigation, some of the money was stolen by the Bank's managers in October 1941, for which they were convicted, and, according to the official data, the rest of the money was destroyed. It is curious that at the sight of so many banknotes, one of the Red Army soldiers could not resist the temptation and committed theft. And it would have remained a secret because no one knew the exact amount of the money found, but the following day he was detained at the local market when buying a watch for 4 thousand roubles.¹⁵

It is known that not all the population of the western regions of the USSR was evacuated. A part of the population did not leave their places of residence and some cities were not occupied by the enemy (Moscow, Leningrad, Tula, et al.). The evacuees were forced to abandon their homes and the greater part of their personal property, that property turning into the object of theft. Most often, theft of the abandoned personal property was committed by house managers, janitors or neighbors rather than by professional thieves. To prevent such crimes, the Supreme Court of the USSR adopted a decision dated January 8, 1942 "On the qualification of certain types of theft of personal property of citizens which are committed during an air raid of the enemy or while leaving a settlement in connection with the appearance or approach of the enemy, and also the theft of the property of evacuated persons both on the way and in their previous domicile."¹⁶ By their characteristics, such instances of theft were equated to crimes committed during a fire, flood or other public disaster, that is, the principle of aggravating circumstance was applied. In practice, the loss of property from apartments and houses of people who had left for evacuation was most often

¹⁵ "Dokladnaya zapiska zamestitelya narkoma finansov M.F. Bodrova narkomu finansov A.G. Zverevu ob obnaruzhenii sovetskikh deneg na uchastke zheleznoi dorogi s soprovoditel'noi zapiskoi narkoma finansov A.G. Zvereva V.M. Molotovu. 13, 14 oktyabrya 1942 g." [Memorandum of Deputy People's Commissar of Finance M.F. Bodrov to People's Commissar of Finance A.G. Zverev on the discovery of Soviet money at a section of the railway with the cover note by People's Commissar of Finance A.G. Zverev to V.M. Molotov. October 13, 14, 1942]. F. 82, op. 2, d. 774, ll. 5–7. RGASPI.

¹⁶ I.T. Golyakov, ed., *A Collection of Current Decisions of the Plenum and Letters of Instruction of the Supreme Court of the USSR. 1924–1944* [in Russian] (Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo, 1946), 51.

discovered many months (years) later when the owners returned and it was almost impossible to find the thief and to prove the fact of theft. As for the theft of personal property of the evacuees en route, such cases occurred both in railway cars and at railway stations. So, on February 11, 1942, at the station of Zhikharevo (Leningrad Oblast), two men robbed a woman evacuated from Leningrad under the guise of helping her to carry heavy luggage.¹⁷ Sometimes a crime was committed not by strangers but by the persons who were accompanying the evacuees. The memoirs of Mikhail Fishel'man describe an episode when the truck with the possessions of the evacuees was stolen during an air raid on the way to evacuation:

When the planes appeared, we knocked at the cab, the truck pulled over to the side of the road under the trees, and everyone ran to hide in the woods. . . . It happened many times. . . . As we came out of the woods, we saw the truck with our few belongings driving away. The policeman started shooting in the air, but it didn't help. The truck quickly disappeared and left us alone on the dusty military road.¹⁸

During many days of travelling to the places of evacuation, people faced the need to solve numerous everyday problems, the main of which was food. In accordance with the legislative documents, there was a regulated food supply for the evacuees who were going to their destination in an organized manner. Before the departure, they were supposed to be given bread and other products for 10 days in exchange for their food cards. On the way, hot meals and exchange of cards for food took place at evacuation centers. But in reality those rules were not always observed. The people were forced to provide sustenance for themselves. In most instances it was connected with violations of the law. Law suits of such type ended both with convictions and acquittals. In March 1942 the Military Court of Moscow tried the case of theft of food en route to the place of evacuation of the employees of the People's Commissariat of Meat and Dairy Industry. In October 1941, before the departure, they were supplied with 3 tons of butter, 3 tons of sausage and 3 000 cans of food from the warehouse without orders and funds. On the way, by order of the head of the special train, the freight-car with food was opened and 3 bags of flour, 4 bags of sugar and 1 bag of potato flour were used to feed the people. Due to the lack of control and security, bread worth 1 836 roubles and sausage worth 1 176 roubles were stolen from the car. Initially, the actions of the head of *Glavmyasomolsbyt* [Main directorate for the distribution of meat and dairy products] and the director of the warehouse were qualified

¹⁷ "Dokladnaya zapiska po delam ob evakuirovannom imushchestve Prokuroru SSSR" [Memorandum on the cases of evacuated property to the Procurator of the USSR]. Correspondence with procuracy authorities on combating the violators of the procedure for evacuating the population and equipment of industrial enterprises. F. R-8131, op. 37, d. 592, l. 159. GARF.

¹⁸ M. Fishel'man, "What I Remember" [in Russian], in *Evacuation. Collection of Memories of the Lost Childhood of Soviet Holocaust Survivors, 1941–1945* (Jerusalem: Soyuz uchenykh-repatriantov Izrailiya, 2009), 68.

under Article 109 and Article 111 of the Criminal Code of the RSFSR. But in the end the court considered that the charge was not proved and acquitted them because there was an order from the head of the special train, the evacuation took place on an emergency basis, the people had neither cards nor food products of their own, the train was on the way for 23 days, and there were sick people in the cars.¹⁹

Loss of cargo on the railway was a serious problem. Since some of the goods were lost as a result of bombing or accidents en route and some were loaded in a hurry and did not have accounting documents, often the loss was discovered much later, when the train was hundreds of kilometers away from the crime scene. Those responsible for cargo safety were not clearly identified. The search for the culprits in the circumstances of wartime emergency was extremely difficult. The percentage of solved cases was low.

The evacuation of *Kardo-lenta* [Card cloth] factory of the USSR People's Commissariat for Textile Industry from Moscow was hasty; material assets were shipped at random. Upon arrival in Barnaul on February 1, 1942, an inventory was made and a shortage of 2 205 443 roubles was discovered. The director was removed from office and brought to justice.²⁰

In March 1942, the Main Directorate of the Military Tribunals of Railway and Water Transport of the People's Commissariat of Justice of the USSR studied and generalized the materials of the judicial opinion of the military tribunals of transport on the cases of misappropriation of socialist property in transport. As a result, a sharp increase in economic crime in rail transport was revealed. Whereas in July – September 1941 the Military Tribunals and Railway Courts convicted 715 people in this category of cases, 1 674 people were convicted in October–December 1941, and 2 589 people were convicted in January–February 1942.²¹

The increase in theft in transport is explained by the increase in cargo traffic and large-scale movement of the evacuated population, who in most cases were not provided with the necessary types of allowance en route. Additional complicating factors

¹⁹ “Soobshcheniya prokuratury SSSR o rezul'tatakh rassmotreniya sudebnykh del, vzbuzhdennykh prikazami NKG M SSSR” [Communications of the USSR Procurator's Office on the results of judicial proceedings instituted by orders of the NKG M USSR]. F.R-8300, op. 4, d. 3 (b), ll. 6–7. GARF.

²⁰ “Kopii pisem, otpravlennykh v Prokuraturu SSSR po rezul'tatam revizii i proverok” [Copies of the letters sent to the USSR Procurator's Office on the results of audits and inspections]. F. P-8300, op. 1, d. 22, ll. 17–18. GARF.

²¹ “Dokumenty Glavnogo Upravleniya voennykh tribunalov zheleznodorozhnogo i vodnogo transporta po izucheniyu praktiki voennykh tribunalov transporta po delam o khishcheniyakh sotsialisticheskoi sobstvennosti na transporte za 1942 g” [Documents of the Main Directorate of Military Tribunals for Railway and Water Transport on the study of judicial opinion of military transport tribunals on the cases of misappropriation of socialist property in transport for 1942]. F. P-9492, op. 13, d. 47, ll. 38–39. GARF.

included poor security of cargo at transshipment stations, long train stops, use of unsealed freight cars and open platforms, incorrect addressing of transport due to negligence of conductors and lack of accompanying documents, slowness of the departmental mechanism in making the records of the shortages, easy access to the stations for strangers, and no information available to the NKVD troops about the arrival of freight trains.²²

The analysis of the materials of court cases showed that a significant proportion of thefts were committed by transport workers. In 8 months of 1942, 1 969 transport workers were convicted of embezzlement (39 % of the total number of convicts). During the same time, 603 (12.3 %) military personnel travelling by train were convicted of embezzlement.²³ In most cases, theft was committed in an organized manner, in groups, with breaking the seals on the freight cars. Some of such thefts looked like burglaries (the doors and roofs of freight cars were broken open). There is a revealing example when the court examined a series of thefts committed by a criminal group of 8 persons which included evacuated workers led by the deputy head of special train R. The group systematically opened freight cars and stole food and items when the trains stopped. It was established that at Penza station they had stolen 11 bags of sunflower seeds, 5 bags of wheat and 8 buckets of alcohol from the tanks. Six freight cars were broken open at the Nyaze-Petrovsk station of the South Ural Railway. Among the stolen items there were 5 bags of wheat flour, 21 flannelette shawls, 3 quilted jackets, a pair of quilted trousers, 12 empty buckets and other items from the equipment of military cars. All 8 persons were prosecuted by the Military Procurator's Office under the Law of August 7, 1932. On January 9, 1942, the military court examined the case with the participation of the parties and the assistant military prosecutor asked the court to sentence 5 persons to execution by a firing squad. The military court sentenced 6 gang members to 10 years in prison and disqualification for 5 years, and re-qualified the charge of two members of the group under Article 162 Paragraph G of the Criminal Code and sentenced them to 2 years in prison. Special attention should be paid to the memo of the president of the military tribunal of the NKVD troops in Chelyabinsk Oblast, addressed to the People's Commissar of Justice of the USSR N.M. Rychkov dated March 17, 1942 No. 00152 pur-

²² A.A. Pass, "Economic Crime in the Years of the Great Patriotic War (in the Pages of the Journal *Sotsialisticheskaya zakonnost* [Socialist law], 1941–1945)" [in Russian], *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, vol. 19, no. 2 (2019): 29–34.

²³ "Dokumenty Glavnogo Upravleniya voennykh tribunalov zheleznodorozhnogo i vodnogo transporta po izucheniyu praktiki voennykh tribunalov transporta po delam o khishcheniyakh sotsialisticheskoi sobstvennosti na transporte za 1942 g" [Documents of the Main Directorate of Military Tribunals for Railway and Water Transport on the study of judicial opinion of military transport tribunals on the cases of misappropriation of socialist property in transport for 1942]. F. R-9492, op. 13, d. 47, ll. 38–39. GARF.

suant to the telegraphic order of the People's Commissar on checking the cases of embezzlement in transport for the period between January 1 and March 12, 1942 which were tried by the military tribunal of the South Ural Railway. Commenting on the above court case, the author of the document found the sentence too lenient.²⁴

Similar sentiments can be found in the pages of the specialized legal journal *Sotsialisticheskaya zakonnost'* [Socialist legality]. In Issue 7 of the year 1942 M. Isaev, a professor of the All-Union Correspondence Law Institute, expressed an opinion that under the conditions of wartime capital punishment of the organizers and those who connive at the theft of state property was quite justified, and the criteria which allowed the court to sentence the thieves to long terms of imprisonment and confiscation of property should include embezzlement of more than 10 thousand roubles, repeated theft and the situations when the transported goods were the object of criminal attacks.²⁵

The leadership of the country put forward tougher punitive policies as the main strategy to combat the growth of thefts in railway transport and required that local judicial authorities should qualify such crimes under the Law on the theft of socialist property of August 7, 1932 rather than Article 162 (theft of state property) of the Criminal Code of the RSFSR. That directive was given to the military tribunals of transport by the People's Commissariat of Justice of the USSR on January 17, 1942. Those measures having been taken, the severity of punishment changed from 2–5 years in prison to the death penalty. In addition to that, confiscation of property and disqualification were applied.

Archival documents contain examples of applying Article 58–14 of the Criminal Code of the RSFSR to the perpetrators of economic crimes. The court case of the evacuation of the Infant Home of Artyomovsk (Lugansk Oblast) may be mentioned as an example. In preparation for the evacuation, the director of the institution P. fired all the employees and instead of them she hired her relatives, who did not have the necessary professional qualifications, and thus made them eligible for the scheduled evacuation. Some of the freight cars allocated for the evacuation were occupied by the personal property of the management of the Infant Home. The investigation found that during the evacuation material assets worth 34 178 roubles were stolen. Out of 136 (the number is presumptive, since no accurate records were kept), 102 children arrived in Alma-Ata and soon 68 of them died in hospital. The acts of 5 persons involved in the case were qualified under Article 58–14 of the Criminal Code of the RSFSR (counter-revolutionary sabotage) and under the Law of August 7, 1932; citi-

²⁴ “Narodnomu komissaru yustitsii SSSR t. Rychkovu. Dokladnaya zapiska 17 marta 1942 g. № 00152” [To People's Commissar of Justice of the USSR Comrade Rychkov. Memorandum of March 17, 1942 No. 00152]. F. R-9492, op. 13, d. 44, ll. 88–94. GARF.

²⁵ Cited in Pass, “Economic Crime in the Years of the Great Patriotic War,” 29–34.

zens P. and A. were sentenced to death, the remaining three persons received from 5 to 10 years in prison with confiscation of property and subsequent disqualification.²⁶

Statistical data demonstrate a tendency to increase the repressive nature of law enforcement practice: during the last six months of 1941, of the total number of convicts (2 389 persons), 961 persons were convicted under the Law of August 7, 1932 while 1 428 persons were convicted under Article 162, paragraphs G and D of the Criminal Code; during two months of 1942, of the total number of all convicts (2 589 persons), 1 322 were convicted under the Law of August 7, 1932 whereas 1 267 were convicted under Article 162 of the Criminal Code. The number of people sentenced to capital punishment also increased: during the last six months of 1941, 228 persons were sentenced to death and 872 people were sentenced to 10-year imprisonment; during two months of 1942, 188 persons were sentenced to capital punishment and 1 164 persons were sentenced to imprisonment.²⁷

But this measure did not lead to a serious reduction in crime because under the emergency conditions of wartime the shortage of resources (including food) increased, which meant that the struggle for possessing them intensified. The decline in the standard of living of the majority of population, which put people on the verge of survival, resulted in the expansion of the boundaries of deviance. People were forced to choose between the threat of starvation and breaking the law, so the threat of extreme punishment did not stop them. It should be noted that the possibility of bribing the justice system representatives and the likelihood of avoiding punishment due to the acquaintances and patronage of high-ranking officials also contributed to the criminal behavior of some individuals.

The data on the RSFSR as of the end of January 1943 show that the problem of crime in the railway transport was not being solved but was becoming worse. While in 1941 only 487 cases of law violations in railway transport were brought to court, in 1942 there were 2 643 cases (6 times more than in the pre-war period). In the period between October 1942 and January 1943 (4 months) there were 1 163 such cases. The courts could not cope with that amount of work, which resulted in the fact that the time limits for consideration of cases were not observed (only 20 % of them were considered within 10 days). A complicating factor was that the parties of the proceed-

²⁶ “Delo po evakuatsii Doma malyutki iz Artemovska v Alma-Atu” [The case of the evacuation of the Infant Home from Artyomovsk to Alma-Ata]. Correspondence with procuracy authorities on combating violators of the procedure for evacuating the population and equipment of industrial enterprises. F. R-8131, op. 37, d. 592, ll. 5–14. GARF.

²⁷ “Obobshchenie sudebnoi praktiki voennykh tribunyalov zheleznodorozhnogo transporta po delam khishchenii sotsialisticheskoi sobstvennosti za 1942 g.” [A generalization of the judicial opinion of railway transport military tribunals on the cases of misappropriation of socialist property in 1942]. Documents of the Main Directorate of Military Tribunals for Railway and Water Transport on the study of judicial opinion of military transport tribunals on the cases of misappropriation of socialist property in transport for 1942. F. R-9492, op. 13, d. 47, l. 39. GARF.

ings were located in different cities and the summons went back and forth for 2–3 weeks or even months. Many cases had to be suspended (558 in January 1943) in accordance with Paragraph 20 of the Decree of the Supreme Court of the USSR dated January 29, 1942 because according to the information from the railway or shipping company, the cargo did not arrive at its destination and it was not possible to obtain any information. Most of the suspended cases concerned the shipment of food and fuel in September–October 1941. The prevailing reasons for the suspension of legal proceedings were the inability to conduct a search in connection with the occupation of the territory, the inability to find documentation on claims, the lack of communication and, as a result, the inability to submit documentation on the case. It is important to say that the subsequent liberation of roads and areas from the German invaders did not change the situation because it was impossible to restore the documentation.²⁸

Goods from evacuation depots also became objects of theft. Evacuation depots were formed in the initial period of the war in the rear cities of the country to store evacuated cargoes of undocumented nature. The main objects of theft were food, warm clothes, footwear, and convenience goods. Methods of stealing were both theft and misappropriation of material assets by the representatives of local leadership abusing their office. For instance, in Stalingrad, according to the results of evacuation depot audit carried out in June 1942, on personal instructions of the oblast leaders, 635 packs of tea, 1 497 kg of sugar, 702 kg of macaroni products, 120 bars of laundry soap, a piano, a motorcycle and a gramophone were allotted for the canteen of the oblast executive committee. In this particular case, it is not known whether the perpetrators were held criminally liable.²⁹ Significant violations of the principle of equality before the law in the Soviet justice system should be noted. Some categories of population avoided punishment because of their position on the hierarchical ladder. The people who were under investigation, as a rule, began to look for all kinds of illegal ways to avoid punishment (search for a high patron, giving a bribe). High-ranking party and state officials often succeeded in doing that.³⁰ Indirect confirmations of that

²⁸ “Stenogramma soveshchaniya zamestitelei predsedatelei oblastnykh sudov – predsedatelei grazhdanskikh kollegii (oblastei voennoi zony) v narodnom komissariate yustitsii RSFSR 26, 27 fevralya – 1 marta 1943 g. g. Moskva” [Transcript of the meeting of deputy chairmen of oblast courts, chairmen of chambers on civil cases (in the oblasts of the military zone), in the People’s Commissariat of Justice of the RSFSR on February 26, 27 – March 1, 1943, Moscow]. F. A353, op. 13, d. 58, l. 6 ob. GARF.

²⁹ “Pis'mo zam. predsedatelya Stalingradskogo oblispolkoma o rezul'tatakh proverki raboty evakobazy ot 30 iyunya 1942 g.” [Letter to the deputy Chairman of the Stalingrad Oblast Executive Committee on the results of the audit of the evacuation depot of June 30, 1942]. Copies of letters on inspections and audits of the NKGK USSR sent to various institutions. Vol. 1. F. R-8300, op. 1, d. 23, ll. 119–120. GARF.

³⁰ E. Belova and V. Lazarev, “Selective Justice: Party Control under Stalin”, *PERSA Working Paper*, no. 58 (2009), <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/persa/058a.pdf>.

can be found in archival documents. So, in January 1942 the Krasnoarmeiskugol coal mining trust was evacuated from Donbas to Karaganda. During the evacuation, a shortage of several bags of flour and of 70 thousand roubles of public funds was discovered. While searching the place of citizen K., the manager of the trust, 15 thousand roubles in cash, a revolver, 2 guns, a hunting rifle and other items were found. At the new place of residence, citizen K. held the position of manager of the Karagandaugol coal mining trust. As a result of the investigation, the Karaganda procurator's office ruled to revoke the charge, to apply a party penalty, and to hand over the confiscated weapons to the police. Obviously, the citizen who came under investigation managed to find illegal ways to evade criminal liability. Higher authorities returned the case for further investigation and its outcome is not known.³¹

The range of economic crimes associated with the evacuation processes was not limited to theft. Hastiness of the evacuation of significant amounts of material and financial resources made it difficult to account them, which created favorable conditions for financial fraud.

At the beginning of the war there was already a regulated procedure for financial payments to individuals during evacuation. Those who were evacuated with industrial enterprises or state institutions were paid an allowance of one month's salary, an additional allowance of one-fourth of the salary for the wife, and one-eighth of the salary for each non-working family member on condition that the family members were evacuated together with the employee. The tariff rate or salary was kept for the time on the way. In the instance of repeated evacuation, a monthly salary was paid. The salary was paid for the time in transit but daily allowances were not paid. Benefits for family members were not paid for the second time.³²

In practice, audits established the facts of paying evacuation allowances to the employees of enterprises which had not been evacuated, double receipt of allowances by an employee and by his family members by proxy, incorrect sums of payment and other violations. The abuses committed by the employees of the North Donetsk Railway during the evacuation were investigated for more than a year and a half. The materials of the investigation initiated by the Turkestan–Siberia Railway military procurator's office included 4 volumes. The North Donetsk Railway Administration survived a partial evacuation in October–December 1941. In the winter of 1941–42 it was forced to function in the frontline zone. In the spring of 1942 there was a partial re-evacuation and in June–July 1942 the administration underwent one more, this

³¹ Correspondence with procuracy authorities on combating the violators of the procedure for evacuating the population and equipment of industrial enterprises. F. R-8131, op. 37, d. 592, ll. 31–33, 37. GARF.

³² Terminated investigation on a charge of abuses committed during the evacuation period by the North Donetsk Railway Administration employees. Vol. 3. F. R-8131, op.19, d.142, ll. 149–151. GARF.

time complete, evacuation. The majority of the employees were relocated to Alma-Ata and the rest of them and their families ended up in Novosibirsk. In those emergency circumstances, records of expenses were not kept, some of the material assets and cash reserves were lost, the management of the administration made payments and free distribution of material assets (uniform and bedding) to its employees. It was established that the balance of material assets at the time of the evacuation amounted to 6 744 thousand roubles, of which 5 397 thousand roubles were evacuated. The investigation tried to determine the fate of the remaining amount of over 1 million roubles. As a result, the investigation of a large number of alleged violations was terminated for lack of proof and only some episodes connected with the signing of fictitious statements, embezzlement of cash, illegal sale of the property that was kept at the railway station and belonged to the evacuees, etc., were brought to trial.³³ The analysis of the materials of the investigation case on charges of employees of the North Donetsk Railway Administration for abuses committed during the evacuation period demonstrates the whole range of forms of deviant behavior of people in relation to material assets in the context of the evacuation measures, as well as the complexity of the work of investigative agencies, military procurator's offices and courts to identify economic crimes.

The war complicated the work of law enforcement agencies and added some specific features to their work. Mobilization of part of the staff to the front resulted in lower qualifications of the employees because often the additional staff did not have specialized education and sufficient work experience. An excessive amount of work led to the violation of time limits of investigation and consideration of cases in the courts, and sometimes to formal examination of cases.

Conclusion

In the extreme conditions of the Great Patriotic War, there was an increase in economic crime, especially in the field associated with evacuation processes. Among the reasons for that, the following should be mentioned: general decline in the standard of living of the population connected with the growing resource shortages; weakening managerial control of local authorities in the frontline regions; deterioration of accounting, control, and protection of material assets during their evacuation; weakening of the quantitative and qualitative composition of law enforcement agencies. Whereas before the war the main object of theft was money, during the war it was consumer goods, food and articles of prime necessity. Methods of detecting economic crimes included the results of revisions and audits, control over financial transactions, denunciation letters from the citizens, et al. The Soviet judicial system as a whole

³³ Terminated investigation on a charge of abuses committed during the evacuation period by the North Donetsk Railway Administration employees. Vol. 3. F. P-8131, op.19, d.142, ll. 18–19, 23, 137, 162–67, 184, 254, 260, 325–31. GARF.

was repressive and punitive. As a rule, economic crimes committed during the evacuation were qualified under Article 162 of the Criminal Code of the RSFSR, the Law of August 7, 1932, and even under Articles 58–14 (counter-revolutionary sabotage) and could be punishable by death. Some categories of population avoided punishment because of their position on the hierarchical ladder. Throughout the war, there was a tendency to toughen penalties for economic crimes committed in the emergency conditions of evacuation. The analysis of historical sources allows us to conclude that the effectiveness of this method of reducing crime was low.

Список литературы

Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход // Истоки. Выпуск 4. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 28–90.

Блинова В.В. Деятельность органов НКВД Южного Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: дис. ... канд. ист. наук. – Оренбургский государственный педагогический университет, 2008. – 235 с.

Вольхин А.И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – Институт истории и археологии УрО РАН, 2001. – 421 с.

Грабовская Н.П. Уголовно-правовая борьба с хищениями социалистической собственности (Закон 7 августа 1932 г.): дис. ... канд. юрид. наук. – Ленинградский государственный университет, 1947. – 185 с.

Демидов А. Эвакуация производительных сил в начале Великой Отечественной войны и органы государственной безопасности // Власть. – 2009. – № 3. – С. 112–115. – URL: <https://vivliophica.com/articles/history/121309>

Емелин С.М. Органы внутренних дел 1939–1953 гг.: эволюция статуса, правовых основ, организации и деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. – Академия экономической безопасности МВД РФ, 2009. – 535 с.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). – Москва: Воениздат, 1961. – 682 с.

Костин В. И. Борьба с хищениями социалистического имущества и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1982. – 87 с.

Куликов В. В. Правосудие в СССР в военные годы // Советское государство и право. – 1973. – № 5. – С. 33–36.

Матышевский П. С. Ответственность за хищения социалистической собственности по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. – Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, 1952. – 271 с.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. – Москва: ГУ ВШЭ, 2008. – 230 с.

Пасс А.А. Об экономической преступности в СССР в 1941–1945 гг. (по документам архивных фондов ГАРФ) // *Magistra Vitae*. – 2019. – № 2. – С. 50–58. – URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2019/pass1.pdf

Пасс А.А. Русскоязычная историография об экономической преступности в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2019. – № 3. – С. 26–45.

Пасс А.А. Современная англоязычная историография об экономической преступности в СССР в 1941–1945 гг. // *Magistra Vitae*. – 2019. – № 2. – С. 90–98. – URL: http://magistravitaejournal.ru/images/2_2019/pass2.pdf

Пасс А.А. Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны (по страницам журнала «Социалистическая законность» 1941–1945 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 29–34.

Пашкин А.Г. Особенности борьбы с преступностью в Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: источниковедческий аспект // Вестник архивиста. – 2011. – № 3. – С. 30–38. – URL: <http://www.vestarchive.ru/istochnikovedenie/1509-osobennosti-borby-s-prestupnostu-v-yulianovskoi-oblasti-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-.html>

Потемкина М.Н. Экономическая преступность в Магнитогорске в годы Великой Отечественной войны: информационный потенциал исторических источников // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2019. – Т. 29. – № 4. – С. 656–659.

Соломон П. Советская юстиция при Сталине. – Москва: РОССПЭН, 1998. – 464 с.

Шатилов С.П., Шатилова О.А., Ипполитов П.Л. Роль правоохранительных органов в реализации функции защиты Советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. – 156 с.

Belova E., Gregory P. Political economy of crime and punishment under Stalin // *Public Choice*. – 2009. – № 140. – P. 463–478.

Belova E., Lazarev V. Selective Justice: Party Control Under Stalin // *PERSA Working Paper*. – 2009. – № 58. – 42 p. – URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/persa/058a.pdf>.

Manley R. To the Tashkent station: Evacuation and survival in the Soviet Union at war. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2009. – 304 p.

Moskoff W. The Bread of Affliction. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 256 p.

Solomon P.H. Soviet Criminal Justice under Stalin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 494 p.

References

Becker, G. “Prestuplenie i nakazanie: ekonomicheskii podkhod” [Crime and punishment: an economic approach]. In *Istoki* [Origins]. *Issue 4*, 28–90. Moscow: GU VShE, 2000. (In Russian)

Belova, E., and P. Gregory. “Political Economy of Crime and Punishment under Stalin.” *Public Choice*, no. 140 (2009): 463–78.

Belova, E., and V. Lazarev. “Selective Justice: Party Control under Stalin.” *PERSA Working Paper*, no. 58 (2009). <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/persa/058a.pdf>.

Blinova, V.V. *Deyatel'nost' organov NKVD Yuzhnogo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945* [The activities of the NKVD organs of the Southern Urals during the Great Patriotic War of 1941–1945]. PhD diss. Orenburg State Pedagogical University, 2008. (In Russian)

Demidov, A. “Evakuatsiya proizvoditel'nykh sil v nachale Velikoi Otechestvennoi voiny i organy gosudarstvennoi bezopasnosti” [Evacuation of productive forces at the beginning of the

Great Patriotic War and the state security agencies]. *Vlast'*, no. 3 (2009): 112–15. <https://vivliophica.com/articles/history/121309>. (In Russian)

Emelin, S.M. *Organy vnutrennikh del 1939–1953 gg.: evolyutsiya statusa, pravovykh osnov, organizatsii i deyatelnosti* [The bodies of internal affairs in 1939–1953: evolution of status, legal foundations, organizations and activities]. PhD diss. Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2009. (In Russian)

Grabovskaya, N.P. *Ugolovno-pravovaya bor'ba s khishcheniyami sotsialisticheskoi sobstvennosti (Zakon 7 avgusta 1932 g.)* [Criminal legal struggle against misappropriation of socialist property (Law of August 7, 1932)]. PhD diss. Leningrad State University, 1947. (In Russian)

Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza 1941–1945. [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945]. In 6 vols. vol. 2, *Otrazhenie sovetskim narodom verolomnogo napadeniya fashistskoi Germanii na SSSR. Sozdanie uslovii dlya korennoogo pereloma v voine (iyun' 1941 g. – noyabr' 1942 g.)* [The repulsion of the treacherous attack of Nazi Germany on the USSR by the Soviet people. Paving the way to the radical change in the war (June 1941 – November 1942)]. Moscow: Voenizdat, 1961. (In Russian)

Kostin, V.I. *Bor'ba s khishcheniyami sotsialisticheskogo imushchestva i spekulyatsiei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Struggle against misappropriation of socialist property and speculation during the Great Patriotic War]. Gorky: Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1982. (In Russian)

Kulikov, V.V. “Pravosudie v SSSR v voennye gody” [Justice in the USSR during the war years]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 5 (1973): 33–36. (In Russian)

Manley, R. *To the Tashkent Station: Evacuation and Survival in the Soviet Union at War*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2009.

Matyshevskii, P.S. *Otvetstvennost' za khishcheniya sotsialisticheskoi sobstvennosti po sovetskomu ugolovnomu pravu* [Responsibility for misappropriation of socialist property under Soviet criminal law]. PhD diss. T. Shevchenko Kiev State University, 1952. (In Russian)

Moskoff, W. *The Bread of Affliction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Orlov, I.B. *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow: GU VShE, 2008. (In Russian)

Pashkin, A.G. “Osobennosti bor'by s prestupnost'yu v Ul'yanovskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: istochnikovedcheskii aspekt” [Features of fight against crime in Ulyanovsk region during the Great Patriotic War (1941–1945). Source study aspect]. *Vestnik arkhivista*, no. 3 (2011): 30–38. <http://www.vestarchive.ru/istochnikovedenie/1509-osobennosti-borby-s-prestupnostu-v-ulyanovskoi-oblasti-v-gody-velikoi-otchestvennoi-voiny-1941-.html>. (In Russian)

Pass, A.A. “Ekonomicheskaya prestupnost' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (po stranitsam zhurnala ‘Sotsialisticheskaya zakonnost’ 1941–1945 gg.)” [Economic crime in the years of the Great Patriotic War (in the pages of the journal *Sotsialisticheskaya zakonnost* [Socialist law], 1941–1945)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, vol. 19, no. 2 (2019): 29–34. (In Russian)

Pass, A.A. “Ob ekonomicheskoi prestupnosti v SSSR v 1941–1945 gg. (po dokumentam arkhivnykh fondov GARF)” [Documents of the State Archive of the Russian Federation on economic crime in the USSR in 1941–1945]. *Magistra Vitae*, no. 2 (2019): 50–58. http://magistravitaejournal.ru/images/2_2019/pass1.pdf. (In Russian)

Pass, A.A. “Russkoyazychnaya istoriografiya ob ekonomicheskoi prestupnosti v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny” [Russian-speaking historiography on economic crime in the USSR

during the Great Patriotic War]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*, no. 3 (2019): 26–45. (In Russian)

Pass, A.A. “Sovremennaya angloyazychnaya istoriografiya ob ekonomicheskoi prestupnosti v SSSR v 1941–1945 gg.” [Modern English-speaking historiography about economic crime in the USSR in 1941–1945]. *Magistra Vitae*, no. 2 (2019): 90–98. http://magistravitaejournal.ru/images/2_2019/pass2.pdf. (In Russian)

Potemkina, M.N. “Ekonomicheskaya prestupnost' v Magnitogorske v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: informatsionnyi potentsial istoricheskikh istochnikov” [Economic crime in Magnitogorsk during the Great Patriotic War: information capacity of historical sources]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, vol. 29, no. 4 (2019): 656–59. (In Russian)

Shatilov, S.P., O.A. Shatilova, and P.L. Ippolitov. *Rol' pravookhranitel'nykh organov v realizatsii funktsii zashchity Sovetskogo gosudarstva v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gg.)* [The role of law enforcement agencies in the implementation of the Soviet state defense function during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Barnaul: Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2016. (In Russian)

Solomon, P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet criminal justice under Stalin]. Moscow: ROSSPEN, 1998. (In Russian)

Solomon, P.H. *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Vol'khin A.I. *Deyatel'nost' organov gosudarstvennoi bezopasnosti Urala i Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945* [The activities of the state security agencies of the Urals and West Siberia during the Great Patriotic War of 1941–1945]. PhD diss. Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2001. (In Russian)